

СМИ и сострадание в эпоху после цифровой войны: почему цифровым СМИ не удалось изменить реакцию на страдания жертв в современных вооруженных конфликтах

Эндрю Хоскинс*

Профессор междисциплинарных исследований на факультете общественных наук Университета Глазго. Автор в том числе следующих опубликованных книг: *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* («Исследования в области цифровой памяти: как изменяется прошлое средств массовой информации»)

* Мне бы хотелось выразить признательность Дэвиду Риффу и Полу Словику за их вклад и готовность щедро делиться идеями во время наших бесед. Я также благодарю Шону Иллингворт, Энтони Дауни, Оливера Бойда-Баррета, редакционную коллегию Международного журнала и анонимных рецензентов за их подробные комментарии и рекомендации. Я очень благодарен за важные замечания в отношении первых редакций этой статьи, которые были представлены на конференции «Вокс Украина», прошедшей в Киеве под девизом «Сила слова. Ответственность медиа и вызовы-2017», и в ходе серии семинаров для преподавателей и студентов в Школе социальной политики, социологии и социальных исследований при Кентском университете в 2019 году.

(Routledge, 2018, ed.) и *Risk and Hyperconnectivity: Media and Memories of Neoliberalism* («Риск и чрезмерное присутствие в Сети: СМИ и воспоминания о неолиберализме») (Oxford University Press, 2016, with John Tulloch). Является основателем и главным соредактором журнала «Цифровая война» (*Journal of Digital War*), основателем и главным редактором журнала «Исследования в области памяти» (*Journal of Memory Studies*), основателем и редактором нового журнала «Память, сознание и СМИ» (*Memory, Mind & Media*) и основателем и соредактором серии книг издательства Routledge под названием *Media, War and Security* («СМИ, война и безопасность»). Недавно опубликовал книгу под названием *Radical War: Data, Attention* («Радикальная война: внимание, данные»).

Аннотация

В современном обществе существует глубоко укоренившееся убеждение, что фото- и видеоматериалы, распространяемые в СМИ, способны изменить ход тех событий, которые они показывают. Однако, невзирая на десятки и сотни миллионов изображений страданий и гибели людей, мгновенно и непрерывно появляющиеся в социальных сетях с их постоянным цифровым наблюдением и обменом информацией, современный мир то и дело сотрясают все новые и новые войны, такие как, например, катастрофические события в Сирии и Йемене. Некоторые жители стран Запада не перестают удивляться тому, что распространение таких изображений, в том числе в ведущих новостных СМИ, не приводит к деэскалации конфликта.

В настоящей статье предлагается проанализировать ослабление взаимосвязи, которая, как зачастую принято считать, существует между освещением тех или иных событий в средствах массовой информации, уровнем осведомленности аудитории и реакцией на эти события в условиях «цифровой войны». Цифровая революция кардинально изменила характер взаимосвязи между средствами ведения войны и обществом, где все стороны участвуют в публикации и распространении информации и соответствующих фото- и видеоматериалов о конфликте.

Может быть, все дело в том, что способность таких материалов, на которых запечатлены гибель и увечья людей, содействовать переменам и расчет на то, что они послужат стимулом для реального вмешательства в ход вооруженных конфликтов, были и остаются преувеличенными? Подобное зрелище может потрясти нас и заставить переживать, но последуют ли за этим какие-то реальные практические действия — как на уровне отдельных людей, так и каких бы то ни было групп? В этой статье я привожу аргументы в пользу того, что насыщенные медийного пространства информацией, в том числе в фото- и видеоформате, о страданиях и гибели людей в современных войнах не означает, что началась новая эра «усталости от сострадания». Скорее, можно говорить о том, что негодование общественности, возникающее

вследствие работы определенных алгоритмов, становится своего рода заменой для практических мер. Легко вообразить, что скорость распространения таких публикаций и ссылок на них, сопровождаемых многочисленными «лайками», есть эквивалент каких-то массовых действий или народного движения.

В эпоху постоянного цифрового наблюдения и подключения к интернету события гуманитарных катастроф медленно разворачиваются прямо у нас на глазах — и при этом остаются незамеченными. Если эта цифровая война, которая создала беспрецедентные возможности для постоянного наблюдения за страданиями и гибелью людей в мельчайших подробностях, война с усеянным снарядами виртуальным полем боя, в конечном счете не приведет к мобилизации сил для принятия самых радикальных и эффективных ответных мер, трудно представить, какими еще средствами этого можно добиться.

Ключевые слова: цифровая война, социальные сети, изображения, страдания людей, сострадание, гуманитарные кризисы, Сирия, Йемен.

Непреложная ложь

Та призма, через которую мы смотрим на мир и от которой зависит, что именно, каким образом и как долго мы видим — или не видим — в условиях трансформирующейся информационной среды той или иной эпохи, сегодня претерпевает изменения, а вместе с ней — и наша способность переживать и реагировать определенным образом при столкновении с фактами человеческих страданий в результате вооруженного конфликта. Необходимо также принимать во внимание исторический опыт и гипотезы относительно влияния определенного проводника информации на того или иного зрителя или аудиторию. К таким проводникам может быть отнесена фотография (а также предшествующие ей демонстрации изображений с помощью проектора-«фонаря» на публичных лекциях), которую еще в XIX веке начали использовать в качестве стимула для мобилизации гуманитарной деятельности¹. Однако я твердо убежден, что с наступлением цифровой эпохи, когда изменился характер взаимосвязи между войной,

1 См.: Heide Fehrenbach and Davide Rodogno, “‘A Horrific Photo of a Drowned Syrian Child’: Humanitarian Photography and NGO Media Strategies in Historical Perspective”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 97, No. 900, 2015. В своей статье под названием «Искусство фотографии и Красный Крест: «безнадежные картины» и фотографии вооруженных конфликтов как фактор привлечения внимания к международному движению, 1855–1865 гг.», подготовленной для настоящего выпуска Международного журнала Красного Креста, Соня де Лаат анализирует роль, которую военная фотография сыграла в трех основных конфликтах середины XIX века в качестве инструмента «утверждения единого понятия человечества и определения тех, кто к нему относится и достоин помощи».

СМИ, восприятием и реакцией общественности, эта историческая модель претерпела кардинальные изменения.

В этой статье я рассматриваю природу, последствия и парадоксы этого преобразования и задаюсь вопросом о том, существуют ли какие-либо традиционные и устоявшиеся понятия и идеи, которые помогли бы понять его суть. В частности, эти преобразования сопровождаются радикальной сменой парадигмы — появлением новой категории широкой публики, которая способна выражать свои взгляды и мнения в режиме реального времени, то есть принимать участие в дискуссиях и незамедлительно давать обратную связь, используя такие средства коммуникации, о которых пару десятков лет назад и помыслить было невозможно. Однако эта смена парадигмы неразрывно связана с таким явлением, как цифровая война, то есть новая модель ведения войны при помощи тех же информационных платформ и устройств, которые сделали возможным вышеупомянутое участие широкой общественности. Страдания людей во время вооруженных конфликтов, как правило, происходят в условиях постоянного цифрового наблюдения и подключения к интернету, но, вместо того, чтобы положить начало новой эпохе гуманизма, как можно было бы ожидать, эти новые технологии, похоже, напротив, лишь снижают шансы на проявление сострадания в какой бы то ни было практической форме.

Когда-то считалось, что уникальные и редкие снимки представляют собой надежный инструмент воздействия, при помощи которого можно как пробудить общественное сознание, так и поднять на восстание толпу, подтолкнув людей к действиям. Впрочем, нельзя сказать, чтобы XX век был золотым временем, когда изображения имели подлинную силу. Это, скорее, своего рода ложное воспоминание о том, будто когда-то между изображениями, публикуемыми в СМИ, осведомленностью общественности и ответными действиями существовала какая-то взаимосвязь, и главная роль тут отводится фотожурналистике. Упорная вера в силу изображения в современном цифровом мире выглядит анахронизмом. Иными словами, люди, которые ведут споры на тему сострадания, изображений в СМИ и, соответственно, перспектив вмешательства во имя прекращения «отдаленных» страданий людей², вызванных главным образом гуманитарными кри-

2 Под «отдаленностью» я подразумеваю преимущественно западное представление о собственном привилегированном положении и защищенности от войны, которой не стоит слишком опасаться. Эта идея об «отдаленности страданий» связана с «комплексом белого спасителя», который служит аргументацией при оказании гуманитарной помощи, когда «Запад» отправляется на подмогу «отдаленным» и «незападным» регионам мира. Эта идея также неотделима от процесса формирования представлений о роли СМИ конца XX века в вооруженных конфликтах. Однако представления об «отдаленности» и смысл этого понятия тоже претерпели изменения после начала цифровой войны, и эта смена парадигмы рассматривается мною в настоящей статье. В качестве авторитетного источника по данной теме см.: Luc Boltanski, *Distant Suffering*, trans. Graham Burchell, Cambridge University Press, Cambridge, 1999. См. также концепцию Лили Чуолиаракис о «постгуманитарном» стиле коммуникации в «доминирующей западной культуре, для которой характерны притупление эмоций по поводу страданий чужих далеких людей с одновременной чрезмерностью эмоционального восприятия нашей собственной безопасной повседневной жизни»: Lillie Chouliaraki, "Post-Humanitarianism: Humanitarian Communication Beyond a Politics of Pity", *International Journal of Cultural Studies*, Vol. 13, No. 2, 2010, p. 122.

зисами, не понимают саму природу и масштаб преобразований, ставших порождением цифровой войны.

В моем понимании «цифровая война» означает все те способы, при помощи которых мультимедийные смартфоны, мессенджеры и платформы социальных сетей разрушают взаимосвязь между средствами ведения войны и обществом, создавая хоть и неоднородное, но все же глобальное пространство для коллективного взаимодействия, где уже все меньше и меньше понятно, кто ведет борьбу, кто просто комментирует происходящее, а кто ощущает на себе последствия войны. Все это принимает форму сражения за внимание аудитории, поскольку военнослужащие и гражданские лица, журналисты и НПО, государства и повстанческие группировки — все они загружают в Сеть и распространяют, зачастую в режиме реального времени, фото и видеозаписи с мест конфликтов, образуя все более конкурентную группу лиц, которые одновременно участвуют в войне и выражают свою точку зрения о ней.

Поразительные последствия цифровой войны, которые особенно обескураживают тех, кто верил в способность визуальных средств информации на практике положить конец конфликтам, заключаются в появлении беспрецедентно подробных и навязчивых изображений страданий и гибели людей. Обилие материалов, публикуемых цифровыми платформами и социальными сетями (такими как YouTube, Facebook, Instagram и др.), не только создает ужасающий эффект присутствия при событиях современных конфликтов, но и погружает нас во все ужасы уже забытых или оставшихся незамеченными войн, так как внезапно зрителям становятся доступны всё новые и новые архивы, хранящие память о человеческих страданиях прошлых лет.

Доступ на поле битвы сегодня предоставляется всем желающим, и их становится все больше — любой, кто может опубликовать пост в социальных сетях, поставить ссылку или «лайк» или распространить сообщение по Сети, стремится воспользоваться этим инструментом, чтобы заявить о своих требованиях, обозначить позицию или выразить негодование. Результатом стало некое бурлящее варево сведений, дезинформации, неверной информации и домыслов на тему текущих событий, причем все эти данные загружаются в Сеть бесчисленным множеством пользователей, имеющих доступ в интернет. Таким образом, цифровая война является информационной и размывает разницу между участниками боевых действий и гражданским населением, поскольку общественность все активнее занимается распространением информации и фото- и видеоматериалов о конфликтах при помощи цифровых средств связи.

Такого рода прямое вещание и распространение изображений из мест боевых действий ведет к формированию беспрецедентного объема записей и доступных для поиска архивов информации и фото- и видеоматериалов о войне. Достаточно, например, просто набрать в поисковой строке в YouTube словосочетание «война в Сирии», и система выдаст практически бесконечное число видеозаписей, из которых даже первые десять могут

быть загружены на платформу как несколько недель, так и несколько лет назад, причем число просмотров у некоторых роликов может исчисляться миллионами³. В результате поиска мы получаем доступ к мириадам фото- и видеоизображений, представляющих собой материалы как из ведущих СМИ, так и из множества других источников, и все они — официальные и неофициальные, разрешенные и традиционные или, напротив, нелегальные — будут обращены алгоритмами в новейшую мозаику архивов военных событий — как современных, так и ставших достоянием истории. Архивы с изображениями современных событий претерпевают постоянные изменения: видеозаписи то и дело редактируются, переименовываются и повторно публикуются различными участниками, отстаивающими свою версию или опыт этой войны. При этом верховных модераторов YouTube обвиняют в том, что они удаляют или перемещают видеозаписи, которые идут вразрез с их пользовательским соглашением, но могут представлять собой документальное свидетельство военных преступлений⁴. В этой войне, которая ведется при помощи и за счет архивов социальных сетей, происходит так называемая «радикализация воспоминаний»⁵.

Применительно к целям аргументации, предлагаемой в данной статье, следует отметить, что цифровые СМИ и социальные сети формируют новый опыт (не)заметности войны, когда у наблюдателя создается впечатление, будто действия и изображения, на которых эти действия запечатлены, становятся достоянием широкой общественности. Однако эта кажущаяся прозрачность новостей есть не более чем иллюзия. То, что мы видим или не видим, зависит от воли и действий наиболее эффективных участников этой информационной войны и их методов перетягивания на себя внимания при помощи владельцев и держателей контента. Эти боты-провокаторы автоматически используют инструменты публикации контента и постановки «лайков» для того, чтобы создать впечатление, будто этот контент действительно пользуется популярностью. Они переключают алгоритмы социальных сетей и видеоплатформ таким образом, чтобы протолкнуть контент в новостные ленты реальных людей, которые, в свою очередь, делают

3 В список первых 10 результатов поисковой выдачи (по данным поисковых запросов одного из британских интернет-провайдеров от 29 января 2021 года), давность которых варьируется от трех недель до семи лет, вошли видеоролики, представлявшие собой как репортажи ведущих СМИ, так и записи, сделанные профессионалами, любителями и неуставленными организациями, поддерживающими ту или иную сторону или группировку в этой войне. Так, например, видео под названием “Heavy Clashes during the Battle for Al-Ramouseh Aleppo | Syria War 2014” («Серьезные столкновения во время двух боев за квартал Рамусе в Алеппо | Война в Сирии 2014 года»), набравшее 2,3 млн просмотров, было размещено на канале “WarClashes” («Военные столкновения») 20 апреля 2014 г. Описание к видео, в частности, гласит: «Серьезные столкновения начались после того, как несколько отрядов атаковали квартал Рамусе в Алеппо. После тяжелых боев, продолжавшихся в течение двух дней, сражающимся удалось отбить квартал у сил сирийской армии». См.: www.youtube.com/watch?v=Iwh49HgfYME&t=10s (все ссылки на интернет-ресурсы приводятся по состоянию на январь 2021 г.).

4 См., например, работу Сирийской архивной группы: <https://syrianarchive.org>.

5 Andrew Hoskins, “The Radicalisation of Memory: Monuments and Memorials in a Post-Trust Era”, Keynote Talk, “Moving Monuments” Conference, Manchester Centre for Public History and Heritage, Manchester Metropolitan University, 20 April 2018.

репосты и распространяют эти материалы внутри гораздо более широкой сети контактов. В результате совокупная деятельность людей и алгоритмов приводит к формированию альтернативной реальности, которая, по сути, является (не)видимой цифровой войной⁶.

В настоящей статье анализируется влияние новейшей цифровой войны на характер взаимосвязи между знаниями о войне, проявлением сострадания и способностью к практическим действиям, а также на представления об этой взаимосвязи с учетом того, как происходит освещение «отдаленных» человеческих страданий. Моим главным ориентиром при анализе смены парадигмы, характеризующей взаимосвязь между войной, СМИ и способностью людей проявлять сочувствие и принимать практическое участие, является «эпоха широкого вещания», которая пришлась на конец XX века. Это были времена, когда представления о том, как между собой связаны освещение событий, осведомленность о них и ответная реакция людей, отличались определенным единством: так, люди повсеместно и упорно верили в способность СМИ и особенно телевизионных репортажей влиять на описываемые ими события. В результате сегодня, когда вид человеческих страданий больше не производит на аудиторию СМИ ожидаемого воздействия, это объясняют пресыщением зрителя ввиду избыточности подобных образов, ведущей к так называемой усталости от сострадания⁷. Я же придерживаюсь мнения о том, что понятие «усталость от сострадания», которое используется для описания сегодняшней реакции (или ее отсутствия) публики на изображения «отдаленных» человеческих страданий, не отражается на состоянии сегодняшней экосистемы цифровых СМИ.

Изменения, которые я описываю, обусловлены прежде всего характером и частотой освещения страданий в СМИ. Во времена широкого вещания распространением визуальных материалов, содержащих подробности гуманитарных кризисов и конфликтов, занималась преимущественно избранная группа журналистов и редакторов центральных СМИ и владельцев телеканалов и печатных изданий. По сути, это была ограниченная или закрытая система коммуникации, субъекты которой практически монополизировали функции производства, публикации и тиражирования фото- и видеосъемок военных действий. Более того, на протяжении несколь-

6 Matthew Ford and Andrew Hoskins, *Radical War: Data, Attention and Control in the 21st Century*, готовится к публикации.

7 «Усталость от сострадания» предполагает, что, когда «отдаленный зритель», лично не живущий в условиях гуманитарного кризиса, слишком часто видит в новостях изображения детей, истощенных от голода или изувеченных в результате бомбардировок жилых кварталов, он уже не испытывает сострадания или негодования такой силы, которая вынудила бы его потребовать от политиков вмешаться в ситуацию или направить пожертвования в адрес организаций, способных принять меры для ослабления или прекращения страданий и гибели мирного населения, пострадавшего в вооруженных конфликтах. См.: Susan D. Moeller, *Compassion Fatigue: How the Media Sell Disease, Famine, War and Death*, Routledge, New York, 1999. Для ознакомления с убедительным критическим разбором работы Сьюзен Мёллер см.: David Campbell, “The Myth of Compassion Fatigue”, in Liam Kennedy and Caitlin Patrick (eds.), *The Violence of the Image: Photography and International Conflict*, Routledge, London, 2020.

ких десятилетий специалисты по исследованию массовых коммуникаций и представители других направлений науки занимались тем, что пытались вычислить: что именно «аудитория» смогла понять из «текста», который был «произведен» специально для нее.

Однако с приходом цифровых технологий и социальных сетей производителем и распространителем информации может стать практически любой желающий. То есть, как поясняет Меррин, изменился сам характер взаимодействия целевой аудитории с медийным контентом:

Даже в ситуации, когда пользователь просто смотрит телепрограмму на цифровом устройстве, он не является частью традиционной аудитории, поскольку его статус определяется не тем продуктом, который он потребляет, а активным взаимодействием со средствами коммуникации и управления, которые направляют и поддерживают его действия, и теми электронными сигналами и записями, которые возникают в результате⁸.

Таким образом, традиционная концепция «медийного производства» была полностью пересмотрена. В какой-то отрезок времени в истории вещания считалось, что аудитория является конечным получателем продукта, который носит линейный характер и следует по нисходящей, например потока информации и новостей о войне и ее последствиях. Сегодня пользователи не просто получают новости и визуальную информацию, не имея или почти не имея возможности дать обратную связь или открыто заявить о своем мнении, а выступают в качестве участников этой постоянно изменяющейся и взаимосвязанной сети, внося активный вклад в производство и распространение контента СМИ.

Поначалу может показаться, что речь идет о некоем проявлении демократии, как его благожелательно характеризуют социальные сети, пользователи которых «обмениваются» контентом — эти процессы достигли своих пиковых значений после событий «арабской весны» в 2011 году. Если с началом цифровой войны под вопрос была поставлена способность ведущих СМИ и других представителей этой элитарной группы формировать представления о войне, то теперь им приходится соревноваться с новыми формами надзора и контроля со стороны корпораций, владеющих и руководящих платформами, при помощи которых пользователи производят все то, что сегодня трактуется как война, а также со всеми теми, кто может использовать растущую зависимость людей от таких платформ и сервисов как источников новостей и информации в целом.

Тем не менее сама идея пользовательского контента, то есть тот факт, что люди могут не просто участвовать, а ощущать себя участниками и в этом качестве активно записывать, производить, публиковать, распространять, помечать как понравившийся, выкладывать в виде постов в Сети,

8 William Merrin, “Fight for the Users! Media Studies in the 21st Century”, *Media Education Research Journal*, Vol. 5, No. 2, 2015, p. 61.

редактировать, подписывать или пересылать в виде твитов медиаконтент о войне и страданиях людей, дает пользовательской аудитории чувство личной сопричастности, активной деятельности и контроля. Можно ли тогда считать, что эти формы самовыражения есть новые клапаны, через которые одновременно происходят как выброс персонального и общественного негодования, так и его нагнетание, и механизмы для демонстрации сочувствия в невиданных прежде масштабах? Или же, когда изображения человеческих страданий, по всеобщему признанию, становятся вирусными, это ведет к тому, что осознание пользователями вирусного характера материалов может не только наполнять их сочувствием, но и, наоборот, в той же мере притуплять всякую чувствительность? Действительно ли некоторые формы цифрового «участия» являются не столько стимулом к действию, сколько суррогатом этого самого действия, когда сам факт выражения негодования воспринимается как завершенная работа?

Еще одна точка зрения, которую я анализирую в настоящей статье, состоит в том, что цифровая война привела к возникновению новой эпохи «усталости от сострадания». Утрату способности к сопереживанию у людей принято объяснять тем, что избыточное зрелище чужих страданий неизбежно притупляет чувства и частично лишает увиденное нами смысла. Предполагается, что сам масштаб мучений невинных людей и постоянное тиражирование их образов в социальных сетях и бесконечных выпусках новостей, где только и говорится, что о войне, постепенно ведут к тому, что зрителю становится скучно и он погружается в болото усталого безразличия. Согласно теории усталости от сострадания, если аудитория утрачивает интерес к той или иной новости, эта новость исчезает из информационного поля, потому что коммерческий успех сегодня зависит от числа подписчиков и «кликов».

Тем не менее эта популярная теория о том, что перегрузка внимания тормозит возможные стимулы для ответной реакции, толкуется совершенно превратно. В основе самой идеи усталости от сострадания применительно к войне и ее освещению в СМИ⁹ лежит неверное и глубоко укоренившееся убеждение в том, что публикация таких изображений может повлечь за собой материальные последствия и, самое главное, что существует некая критическая масса людей, которым происходящее по-настоящему важно. В настоящей статье я анализирую вклад представителей правящих и научных кругов и журналистов в распространение этой идеи и, в частности, поднимаю вопрос о том, действительно ли гипотеза усталости от сострадания предполагает утрату всяческой мотивации для публичного или даже неотложного проведения спасательных работ или оказания гуманитарной помощи.

Так, например, фото- и видеозаписи страданий и гибели гражданского населения в Сирии, которые в течение уже почти десяти лет появля-

9 См. работу S. D. Moeller (примечание 7 выше), которая является автором серьезного исследования на эту тему.

ются в Сети¹⁰, будучи на виду, тем не менее оставались не замеченными как ведущей мировой прессой, так и социальными сетями, и никаких успешных призывов к последовательному или материальному выражению коллективного негодования не появилось. Если очевидное бездействие по поводу затянувшейся войны в Сирии не является классическим примером усталости от сострадания, то как же тогда объяснить взаимосвязь между освещением страданий людей в СМИ, осведомленностью аудитории и ответной реакцией в цифровую эпоху?

Мой ответ на этот вопрос и есть суть аргументации, которая приводится далее в настоящей статье. Я придерживаюсь мнения о том, что вера в наличие взаимосвязи между освещением информации, осведомленностью и ответной реакцией на протяжении многих лет формировала не соответствующий действительности образ СМИ как по-настоящему мощного инструмента¹¹, а заодно привела к искажению роли и неверной оценке потенциала гуманитарного подхода. Недавнее изменение характера военных действий и деятельности СМИ и трансформация взаимосвязи между ними, то есть то, что я в настоящей статье именую «цифровой войной», способствовали значительному увеличению этого разрыва между верой и реальностью. К этим процессам относится и то, каким образом цифровые СМИ и технологии полностью изменили методы ведения войны и общественный уклад: в результате теперь та самая аудитория, внимание которой все субъекты (военные, правительства и НПО) традиционно пытались привлечь при посредстве СМИ, превратилась в один из элементов той же коммуникационной матрицы.

Из вышесказанного следуют два важных и взаимосвязанных наблюдения, касающиеся реакции людей на изображения человеческих страданий в условиях современной цифровой медийной экосистемы. Во-первых, цифровая война неизбежна. Если раньше страдания жителей других стран мира, охваченных гуманитарными кризисами, зачастую казались так называемому Западу¹² чем-то очень далеким, то в нашу цифровую эпоху с ее социальными сетями, создающими эффект близкого и личного соседства, эта символическая и географическая «удаленность» исчезла. Цифровые СМИ являются не только практически бесконечным конвейером изобраа-

10 Одним из таких примеров, получивших широкую мировую известность, является фотография, сделанная в 2019 г. журналистом Башаром аль-Шейхом. См.: “Syrian Air Strike Sisters Photo: Behind the Image that Shocked the World”, *BBC News*, 1 August 2019, доступно по адресу: www.bbc.co.uk/news/av/world-middle-east-49186145/syria-air-strike-sisters-photo-behind-the-image-thatshocked-the-world.

11 Исследования на тему прямого влияния СМИ в рамках работ специалистов по СМИ ведутся уже давно: идея заключалась в том, что воздействие СМИ или потребление их продукта являются факторами, которые определяют поведение человека. Дэвид Гонтлетт убедительно критикует этот подход, отмечая, что, «если за более чем 60 лет обширных исследований выявить четкие доказательства прямого влияния СМИ на поведение людей так и не удалось, можно с уверенностью утверждать, что таких доказательств просто не существует». См.: David Gauntlett, “Ten Things Wrong with the Media ‘Effects’ model”, 2006, доступно по адресу: <https://davidgauntlett.com/wp-content/uploads/2018/04/Ten-Things-Wrong-2006-version.pdf>.

12 Edward W. Said, *Orientalism*, Pantheon Books, New York, 1978.

жений человеческих страданий, но и дают неслыханные доселе возможности: теперь пользователь получает доступ к океану ужасающих визуальных материалов, которые он может распространять или сопровождать «лайком» или комментарием. В условиях цифровой войны, когда изображения страданий гражданского населения (например, во время вооруженных конфликтов в Сирии или Йемене) годами распространяются свободно и безо всяких ограничений, уже невозможно сказать: «Я об этом не знал».

Во-вторых, мы живем во времена невероятного крушения доверия к центральным новостным СМИ. Сфера производства и распространения информационного контента внезапно столкнулась с самым что ни на есть публичным кризисом легитимности, когда, по общему признанию, стало трудно отделять реальные факты от мнений и появились сомнения относительно того, кто вправе претендовать на внимание аудитории или изложение достоверной информации¹³. В этих обстоятельствах читателю или зрителю, который видит или распространяет сообщения, изображения, сведения о гуманитарных кампаниях и тому подобное и оценивает для себя их достоверность, проще прийти к выводу: «Я не могу этого знать наверняка». В такой среде сформировать какое-то четкое мнение относительно правдивости, происхождения и надежности медийного контента чрезвычайно затруднительно. В результате те, кто пытается довести до сведения широкой общественности информацию о страданиях людей, чтобы добиться какого-то вмешательства или помощи, сталкиваются с невероятными трудностями. Это касается и гуманитарных и благотворительных организаций, и других НПО, которые зачастую рассчитывают исключительно на великую силу фотографии (распространяемой по самым разным каналам), чтобы убедить обывателя жертвовать средства на помощь нуждающимся.

Эти два аспекта парадоксальным образом негативно влияют на чувство моральной ответственности участника цифровой войны, который, с одной стороны, не может отрицать факт собственной осведомленности о различных ужасах этого мира, поскольку информация о них одновременно тиражируется множеством новостных лент, а с другой — не готов доверять ни одному из таких источников. Оба эти аспекта — осведомленность и неуверенность — проистекают из того факта, что в условиях цифровой войны наше внимание осаждают со всех сторон.

Иными словами, может ли сочувствие страданиям жертв гуманитарных кризисов, возникшее как одно из последствий цифровой войны, быть доведено до какого-то практического воплощения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо признать смену парадигмы, характеризующей взаимосвязь между СМИ, осведомленностью и практическими действиями. Наглядным свидетельством такой смены является парадокс ситуации, когда мы не можем утверждать, что нам неизвестно о страданиях

13 Catherine Happer, Andrew Hoskins and William Merrin, “Weaponizing Reality: An Introduction to Trump’s War on the Media”, in C. Happer, A. Hoskins and W. Merrin (eds), *Trump’s Media War*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2018, pp. 7–8.

людей, поскольку нас окружает практически безграничное море информации и изображений этих страданий, но одновременно не можем быть уверены в происхождении всей этой информации.

Благодатной почвой для цифровой войны стало то, что сегодня принято называть современным «обществом постправды», когда любая новость о тех или иных событиях в мире может быть быстро и ловко утоплена в океане альтернативных мнений, теорий заговора, фейковых сообщений и проверки фактов. Так, например, в Оксфордском словаре предлагается следующее определение постправды: «Это обстоятельства, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем воззвание к чувствам и личным убеждениям людей»¹⁴. Несмотря на то что новости всегда представляли собой своего рода мозаику фактов, мнений, предположений и спекуляций, особенность сегодняшнего времени заключается в том, что дезинформация самым беззастенчивым образом скрывается прямо на виду и становится неотъемлемой частью всеобщего информационного рациона.

Впрочем, для описания катастрофического обвала доверия к ведущим СМИ, которые когда-то казались жителям условного Запада вполне надежным источником информации о гуманитарных кризисах и неизвестных людских страданиях в других частях мира, лучше подходит не «пост-правда», а термин «постдоверие»¹⁵. Речь идет, скорее, о новых формах (не) заметности войны и ее последствий в условиях наших цифровых привычек. Наша способность делать мгновенные снимки, публиковать, записывать, редактировать, отмечать как понравившееся и обсуждать в чатах служит своего рода заменой доверия, поскольку благодаря этому мы чувствуем себя активными и свободными участниками и авторами той медиасреды, в которой находимся. Это «часть эпохальных перемен, затронувших наши подходы к сбору и распространению информации, в рамках перехода к медийному миру, где отдельные люди будут все активнее создавать собственные, персональные экосистемы, включающие в себя технологии, платформы, СМИ, контент, информацию, мнения, опыт и знания»¹⁶. Одним из последствий нашего цифрового погружения в океан медиаконтента становится не открытие нового, а наоборот, упразднение существующих элементов и, как утверждают некоторые, поляризация общества¹⁷.

В свете всех этих перемен далее в настоящей статье я анализирую некоторые из тенденций и трудностей, с которыми сталкиваются все законодатели современной информационной повестки при попытках привлечь внимание, сформировать восприятие и вызвать сочувствие аудитории или

14 См.: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/>.

15 Catherine Happer and Andrew Hoskins, "Hacking the Archive: Media, Memory, and History in the Post-Trust Era", in Michael Moss and David Thomas (eds), *Post Truth Archives*, Oxford University Press, Oxford, ожидается публикация.

16 C. Happer, A. Hoskins and W. Merrin (примечание 13 выше), pp. 14–15.

17 Tarek Abdelzaher *et al.*, "The Paradox of Information Access: Growing Isolation in the Age of Sharing", 2020, доступно по адресу: <https://arxiv.org/pdf/2004.01967.pdf>.

вовлечь ее в войну. Так, сначала я рассматриваю исторические аспекты этого важнейшего перехода от эпохи широкого вещания к экосистеме цифровых СМИ, поскольку именно на них основаны мои доводы в пользу революционного, а не эволюционного характера перемен. В целях более глубокого анализа я предлагаю рассмотреть эти идеи через призму двух практических примеров, к которым относятся продолжающиеся вооруженные конфликты в Сирии и Йемене. Я выбрал именно эти страны в качестве примеров человеческих страданий, поскольку они являются наглядной иллюстрацией нового цикла «изображение — ожидание — бездействие», образовавшегося в условиях цифровой войны. В частности, сегодня многие склонны считать, что осведомленность об этих страданиях, возникающая вследствие бесконечного потока визуальных и информационных материалов, станет (или должна стать) неким побудительным фактором для того или иного политического и/или гуманитарного вмешательства. Однако, несмотря на все ожидания того, что зрелище человеческих мучений непременно заставит Запад пересмотреть свое поведение, ничего не происходит: люди продолжают страдать и гибнуть, как и прежде. В заключительной части своего анализа предлагаемой модели я обращаю внимание на следующий парадокс: очевидная публичность, «свобода доступа» и безграничный поток фото- и видеоматериалов, на которых запечатлены страдания людей в условиях гуманитарного кризиса, в действительности подавляют любые импульсы к вмешательству, то есть речь идет о явлении, прямо противоположном самой идее о влиянии СМИ.

От эпохи широкого вещания к экосистемам цифровых СМИ

Исчерпывающее освещение в СМИ в эпоху широкого вещания было в значительной степени обусловлено верой в некий общий и коллективный опыт¹⁸ как неизбежную часть потребления новостного контента (пусть даже из-за отсутствия альтернатив). В результате возникало ощущение, что за этими новостями «следил весь мир»¹⁹, что, в свою очередь, порождало веру в могучую объединенную и коллективную совесть, в аудиторию, которая могла каким-то образом сопереживать, реагировать или действовать как единая сила. Это восприятие СМИ как серьезного инструмента влияния в условиях глобальной и в то же время ограниченной медийной экосистемы конца XX века причудливым образом продолжает питать сегодняшние установки о том, что вид катастроф XXI века оказывает на зрителя огромное воздействие.

18 Daniel Dayan and Elihu Katz, *Media Events: The Live Broadcasting of History*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 1992.

19 Заимствовано из классического текста Тодда Гитлина. См.: Todd Gitlin, *The Whole World is Watching: Mass Media in the Making and Unmaking of the New Left*, University of California Press, Berkeley, CA, and London, 1980.

Практика распространения изображений человеческих страданий в условиях гуманитарных кризисов существует уже очень давно, и к ней и прежде прибегали для того, чтобы вызвать у зрителей сочувствие, а в конечном счете побудить к действиям. Однако эта твердая уверенность в том, что ведущие западные СМИ (ВЗ СМИ)²⁰ наделены властью влиять на те или иные события, укоренилась в обществе — главным образом в странах Западного полушария — только с приходом эпохи широкого вещания.

Процветание ведущих СМИ конца XX века обусловлено их доминированием в информационной повестке дня того времени, когда мало кто мог что бы то ни было противопоставить инструментам производства и распространения медийного контента. Это утверждение особенно справедливо по отношению к телевидению, которое в те времена занимало недосягаемо высокое место в массовой культуре и которое обычно и приводят в пример сторонники идеи прямого влияния СМИ и существования такого явления, как «усталость от сострадания». Поддержание элитарного характера этой информационной модели обеспечивалось за счет чрезвычайно скудного (по современным меркам) количества изображений войны и того факта, что доступ глобальной аудитории к этим изображениям регулировался ведущими СМИ. Однако сегодня этот установленный когда-то порядок был нарушен — или как минимум подвергся серьезной коррекции²¹.

Господствующее положение ВЗ СМИ в конце XX века достигло новых высот с началом освещения войны в Персидском заливе в 1991 году в режиме спутникового вещания²². Частью этого феномена стал так называемый «эффект CNN»²³, когда благодаря широкому освещению новостей о событиях в Персидском заливе 1991 года в режиме реального времени это

20 Здесь и далее я использую аббревиатуру «ВЗ СМИ» для обозначения западных новостных СМИ, поскольку так исторически сложилось, что именно в богатых странах Запада (некоторые также используют термин «глобальный Север») сосредоточены основные новостные агентства и владельцы и/или издатели прочих видов СМИ. К ним, например, относятся BBC, CNN, News Corp, Reuters и другие агентства, специализирующиеся на фото- и видеоневостях. Мой основной тезис, предполагающий разграничение новостной культуры на «эру широкого вещания» конца XX века и сегодняшнюю цифровую медийную экосистему, делает этот подход особенно актуальным. Важно отметить, что именно ВЗ СМИ определяли саму суть «войны Запада» (см.: Martin Shaw, *The Western Way of War: Risk-Transfer War and Its Crisis in Iraq*, Polity Press, Cambridge, 2005). Так, например, CNN стал практически синонимом войны в Персидском заливе в 1991 г., но, что особенно важно, эта взаимосвязь между ВЗ СМИ и средствами ведения войны также определила ключевой вектор в анализе вооруженных конфликтов и влияния СМИ в период с начала 1990-х гг. (см. ниже). В цифровой медийной экосистеме ВЗ СМИ сохраняют свое влияние, но вынуждены конкурировать с американскими технологическими гигантами — компаниями Facebook, Twitter, Google и Apple, — от которых зависят способы производства, демонстрации или сокрытия новостей и информации.

21 См.: С. Harper, A. Hoskins and W. Merrin (примечание 13 выше), pp. 3–22. См. также до неприличного искренние размышления Джеффа Джарвиса в его блоге *BuzzMachine* за последние несколько лет, доступно по адресу: <https://buzzmachine.com>.

22 Andrew Hoskins, *Televising War: From Vietnam to Iraq*, Continuum, London, 2004.

23 Steven Livingston, *Clarifying the CNN Effect: An Examination of Media Effects According to Type of Military Intervention*, Research Paper R-18, Joan Shorenstein Barone Centre on the Press, Politics and Public Policy, John F. Kennedy School of Government, Harvard University, 1997.

новостное агентство превратилось в главного и зачастую единственного поставщика информации о том, что происходило на различных геополитических фронтах этой войны, причем с использованием визуальных средств, которые для того времени были совершенно новаторскими и притягивали внимание всей мировой общественности.

В то время казалось, что телевизионные новости стали новой силой, которая способна в режиме реального времени влиять на происходящие события²⁴. Так, например, 17 января 1991 года, спустя день после первой бомбардировки Багдада силами антииракской коалиции, Биньямин Нетаньяху, который в то время занимал пост заместителя министра иностранных дел Израиля, заявил:

Мы сейчас являемся свидетелями политической коммуникации. Где-то в бункере в Багдаде они наверняка сейчас слушают то, что мы говорим. Впрочем, слово «наверняка» здесь неуместно, я совершенно убежден в том, что они нас слушают. Нас слушают в Москве, Вашингтоне и по всему миру. Это означает, что все, что показывается и говорится на телевидении, становится неотъемлемой частью военных действий с обеих сторон и оказывает на них влияние. Телевидение сегодня перестало быть просто наблюдателем.

Знаете, в физике — физике элементарных частиц — существует такое понятие, как «принцип неопределенности Гейзенберга», суть которого, если по-простому, заключается в том, что сам факт наблюдения за явлением приводит к его изменению. Что ж, сегодня принцип Гейзенберга начал действовать и в политике: если вы следите за тем или иным явлением по телевизору, вы немедленно меняете ход событий²⁵.

Не следует недооценивать то значение, которое имело это восприятие новой модели СМИ как глобальной силы, действующей в режиме реального времени. Подход СМИ к описанию событий войны в Персидском заливе в 1991 году породил целую новую подобласть в сфере исследований, посвященных характеру взаимосвязи между войной и СМИ. Сюда относилась и ключевая эмпирическая исследовательская работа, написанная в том же десятилетии уважаемым журналистом Ником Гоунгом, который проанализировал в ней влияние прямых новостных репортажей о конфликтах и гуманитарных кризисах на авторитетных политических деятелей²⁶.

24 См., например: McKenzie Wark, *Virtual Geography: Living with Global Media Events*, Indiana University Press, Bloomington, IN, 1994

25 *Larry King Live*, CNN, 17 January 1991, цитируется в: Andrew Hoskins and Ben O'Loughlin, *Television and Terror: Conflicting Times and the Crisis of News Discourse*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2007, pp. 38–39. См. также Deirdre Boden and Andrew Hoskins, "Time, Space and Television", доклад представлен на 2-й конференции «Теория, культура и общество» (Theory, Culture & Society), «Культура и самобытность: город, страна, мир» ("Culture and Identity: City, Nation, World"), Berlin, 11 August 1995.

26 Nik Gowing, *Real-Time Television Coverage of Armed Conflicts and Diplomatic Crises: Does it Pressure or Distort Foreign Policy Decisions?*, Working Paper 94-1, Joan Shorestein Barone Centre on the Press, Politics and Public Policy, John F. Kennedy School of Government, Harvard University, 1994.

Гоуинг пришел к выводу о том, что освещение новостей в режиме реального времени оказывало серьезное воздействие на политику президентов и правительств только в чрезвычайных обстоятельствах, хотя при этом оно гораздо чаще отражалось на их публичной риторике²⁷. Несмотря на эту публикацию, идея об «эффекте CNN» и влиянии СМИ завоевала гораздо большую популярность во времена цифровой эпохи. Главным моим доводом в пользу этого утверждения может служить тот очевидный факт, что в нынешнем столетии люди неизменно поражаются отсутствию каких-либо вмешательств по итогам сообщений ВЗ СМИ о страданиях людей, вызванных гуманитарными кризисами.

Еще до того, как умами и сердцами жителей Запада овладел пресловутый «эффект CNN», кенийский оператор Мохаммед Амин и британский журналист Майкл Берк опубликовали на телеканале BBC шокирующую видеозапись²⁸. Этот видеорепортаж, посвященный голоду в Эфиопии, который унес жизни более миллиона человек, посмотрело в октябре 1984 года огромное множество людей по всему миру. Именно он способствовал распространению идеи о том, что вид человеческих страданий во время гуманитарного кризиса способен мобилизовать широкую общественность в развитых странах и побудить ее к благотворительности, причем в масштабе, сопоставимом с масштабом самого кризиса. Число людей, посмотревших эту видеозапись, на которой были запечатлены изможденные от голода люди, добравшиеся до пунктов раздачи еды на севере страны, было совершенно беспрецедентным для времен, когда спутниковое телевидение еще не появилось.

Этот репортаж посмотрела почти треть всего взрослого населения Соединенного Королевства, его ретранслировали сотни служб новостей по всему миру, включая вечернюю службу новостей NBC в США²⁹. Благодаря этому фильму был организован международный благотворительный музыкальный фестиваль Live Aid («Живая помощь»)³⁰ и удалось собрать огромную сумму пожертвований от частных лиц и организаций, включая 1,8 миллиона фунтов стерлингов из средств чрезвычайного фонда Европейского экономического сообщества, которые были предоставлены в течение двух дней после первого же появления этого репортажа в новостях на канале «BBC1» (в шестичасовом и девятичасовом новостных выпусках)³¹. В отличие от сегодняшнего времени, когда мы постоянно имеем доступ в интернет, в 1980-х годах новость редко становилась вирусной. Уникальность этого видеорепортажа заключается в том, что ему удалось преодолеть все ограничения, действовавшие в системе массовых коммуникаций того времени.

27 См.: A. Hoskins and B. O'Loughlin (примечание 25 выше).

28 Первоначальный репортаж впервые появился в эфире телеканала «BBC1» 23 октября 1984 г.

29 Suzanne Franks, *Reporting Disasters: Famine, Aid, Politics and the Media*, C. Hurst & Co., London, 2013, p. 1.

30 A. Hoskins and B. O'Loughlin (примечание 25 выше), p. 131.

31 Ibid., p. 131.

Еще одной исключительной чертой этого материала была его простота. Основным фоном этого видеоряда и главной причиной голода, по версии правительства Соединенного Королевства, была засуха, однако в действительности голод был, в первую очередь, следствием гражданской войны между правящим режимом Менгисту Хайле Мариам и повстанцами из Эритреи и провинции Тыграй. Обе стороны в конфликте использовали цепочки поставок продуктов питания и гуманитарную помощь в качестве оружия. Бедственное положение населения, позднее получившее название «Великого голода» 1983–1985 годов, в результате конфликта лишь усугублялось, и имеются однозначные доказательства того, что «Дерг» (военная хунта, правившая в Эфиопии в тот период) использовал продовольствие в качестве средства ведения войны³². Однако все эти сложные проблемы конфликта, требовавшие принятия неприятных и долгосрочных решений, были вынесены за скобки, потому что люди уверовали в силу изображений гуманитарного кризиса как фактора успеха кампании по сбору средств на гуманитарные нужды. В итоге именно простота предлагаемого объяснения — засуха как главная причина голода и страданий — и очевидно быстрое решение проблемы за счет оказания гуманитарной помощи оказались наиболее убедительными аргументами для жертвователей, чей отклик вряд ли был бы таким сильным, если бы в материале шла речь о непреодолимых трудностях гражданской войны.

История репортажей о голоде в Эфиопии стала невероятно убедительным примером того, как ВЗ СМИ могут влиять на общественное сознание. Материалы включали в себя не только ужасающие картинки людского горя, но и были отсняты в развивающейся стране, о которой прежде ВЗ СМИ почти не упоминали. В данном случае общая продолжительность репортажа в новостных программах ВВС составила более шести минут³³. Примечательно, что репортаж вышел во времена настоящего дефицита видеоматериалов, особенно таких, на которых были бы запечатлены человеческие страдания. Сводки новостей в середине 1980-х годов выходили в периоды пикового просмотра, но время, которое выделялось на их долю в сетке телевидения, было при этом очень ограниченным: что бы ни творилось в мире, аудитория всегда могла рассчитывать лишь на небольшой и четко ограниченный по продолжительности новостной выпуск³⁴.

После репортажа о событиях в Эфиопии, способствовавшего невероятному успеху кампании по сбору средств на гуманитарную помощь жителям страны, «число иностранных благотворительных НПО начало расти невероятными темпами, а характер их взаимоотношений со СМИ навсегда и кардинально изменился»³⁵. Именно эта вера в существование

32 Edmond J. Keller, “Drought, War, and the Politics of Famine in Ethiopia and Eritrea”, *Journal of Modern African Studies*, Vol. 30, No. 4, 1992, p. 623.

33 S. Franks (примечание 29 выше).

34 Круглосуточные новостные каналы появились только семь лет спустя, в 1991 г., во время войны в Персидском заливе.

35 S. Franks (примечание 29 выше), pp. 2–3.

связи между картинкой в СМИ, осведомленностью и ожиданием ответных мер в дальнейшем привела к снижению чувствительности аудитории и, как следствие, к ограниченной политической реакции на войны и катастрофы в других частях света. Принято считать, что вид человеческих страданий при условии их достаточных масштаба и степени жестокости непременно должен вынудить часть людей на те или иные ответные меры или вмешательства. Причем невзирая на то чувство беспомощности, которое обычно охватывает человека в ситуации, когда он понимает, что любые его собственные действия или реакции ровным счетом ничего не изменят.

Проблема заключается не столько в накопительном эффекте усталости от сострадания, сколько в том, что люди поверили в силу визуального образа, и в конце XX века стараниями новостных СМИ, самой зрительской аудитории, законодателей и НПО эта убежденность лишь усилилась и продолжает сохраняться по сей день, несмотря на все свидетельства обратного³⁶. Для некоторых этот итог является своего рода сговором между аудиторией и видеоматериалами: то есть самого освещения проблемы в СМИ достаточно для того, чтобы зритель успокоился и уверился в том, что какие-то меры непременно будут приняты. Это также можно трактовать как разновидность коллективного отрицания реальности. Именно этой точки зрения придерживается Роджер Сильверстоун, который, опираясь на работу Стэна Коэна, заявил:

Как некоторые семьи могут отрицать факт алкоголизма одного из своих членов, потому что им слишком больно это признавать, так и общество может отрицать наличие проблем и травм, чтобы избежать необходимости разбираться с этими проблемами. Изображения, представляемые в СМИ, создают у нас некую коллективную иллюзию того, что достаточно увидеть на экране человека, переживающего кризис, чтобы поверить в нашу всецелую сопричастность ему или его трагедии³⁷.

Таким образом, мы склонны считать, что чем трагичнее изображение и чем шире его медийный охват, тем выше вероятность того, что кто-то где-то, увидев его, начнет принимать ответные меры.

В цифровую эпоху процесс распространения таких изображений приобрел новые масштабы, потому что сегодня для этих целей используются средства передачи, которые я называю «сетевой инфекцией». Речь идет о том, что любое изображение сегодня может быть распространено и увидено почти мгновенно миллиардами пользователей социальных сетей при посредстве множества различных платформ, причем в конечном счете никакая глобальная сила (например, законодательство или система модерирования) не сможет остановить этот процесс, независимо от содержания

36 См. также W. J. T. Mitchell, "There Are No Visual Media", *Journal of Visual Culture*, Vol. 4, No. 2, 2005.

37 Roger Silverstone, *Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis*, Polity Press, Cambridge, 2007, p. 131.

изображения, которое может быть как реальным, так и фальсифицированным, как невинным, так и вселяющим ужас.

В то же время со стороны людей, которые осознают, что все эти изображения ужасов гуманитарных кризисов, невзирая на свою многочисленность и широту распространения, не дают сколько бы то ни было ощутимых результатов, все чаще звучат выражения удивления и тревоги. В результате возникает новый общественный парадокс, своего рода поляризация общества. Часть людей, принадлежащих к одному лагерю единомышленников, полагает, что необходимые меры уже были приняты кем-то другим, потому что эти изображения повсеместно присутствуют во всех цифровых СМИ, а другой лагерь, напротив, отказывается понимать, почему люди не принимают никаких мер при виде тех же самых изображений. В основе обеих этих позиций лежит неверная предпосылка о том, что публикация таких изображений должна и даже обязана возыметь некие материальные последствия.

Таким образом, переломить сегодняшнее устоявшееся и ошибочное (точнее, являющееся пережитком ушедшей эпохи) представление о том, что в условиях цифрового века является визуальным материалом — и его распространением — можно, лишь предложив новую концепцию (и новую историю) этих изображений. Так, было проведено важное исследование (в его основу легла главным образом работа Гаруна Фароки³⁸), в котором утверждается, что изображения носят «операционный характер», поскольку «производятся машинами для обнаружения другими машинами, а не физическим глазом человека»³⁹. Где-то посередине между этими концепциями находится теория влияния алгоритмов, предполагающая, что вся информация о войне и ее последствиях, которую видит или не видит пользователь, определяется теми картинками и публикациями, которые этот пользователь выбирал ранее. Идее «сетевой инфекции», согласно которой изображения свободно и массово распространяются внутри современных платформ социальных сетей, противостоит концепция эхокамеры, или так называемого информационного пузыря⁴⁰ — когда человек находится в центре собственной, «я-центричной» медийной экосистемы (см. выше).

Наличие или отсутствие у людей свободы выбора относительно того, что они видят или не видят, а также сам масштаб и доступность распространяемой СМИ информации о вооруженных конфликтах сегодня приводят к тому, что аудитория не в состоянии выбрать объекты для своего сострадания. Проблема заключается не только в усталости, возникающей в результате избытка трагических изображений в СМИ и социальных сетях, но также и в том, что люди сегодня впервые испытывают неутраченное чувство общей и саднящей коллективной вины в безразличии ко всем этим картинкам, от которых их отделяют всего несколько «кликов».

38 Harun Farocki, "Phantom Images", *Public*, No. 29, 2004

39 Trevor Paglen and Anthony Downey, "Algorithmic Anxieties: Trevor Paglen in Conversation with Anthony Downey", *Digital War*, Vol. 1, No. 1, 2020, доступно по адресу: <https://doi.org/10.1057/s42984-020-00001-2>.

40 Eli Pariser, *The Filter Bubble*, Penguin Books, London, 2012.

Цифровое подсознание

Принципиальное различие СМИ XX и XXI веков в подходе к освещению гуманитарных кризисов заключается в том, что сегодня непостижимость масштаба страданий и военных действий усугубляется столь же непостижимыми количеством и взаимосвязанностью информации, изображений и комментариев на тему войны. Так, например, ужасающая по своей жестокости война в Сирии, в ходе которой сотни тысяч мирных жителей были ранены или убиты, а миллионы были вынуждены покинуть свои дома, освещается в цифровых СМИ в режиме реального времени. Во времена широкого вещания у жителей Запада была хотя бы иллюзия коллективного представления о мире, единая и глобальная версия событий, наиболее типичным примером которой может служить освещение войны в Персидском заливе 1991 года спутниковыми телеканалами⁴¹. Цифровая эпоха, напротив, лишает любую из сторон возможности монополизировать СМИ. В ситуации, когда живую онлайн-трансляцию человеческих страданий ведут все стороны одновременно, полем сражения *на самом деле* становится экосистема цифровых СМИ.

Появление новых каналов связи⁴² обычно оказывает на аудиторию ошеломляющее и обескураживающее воздействие, и в современном мире с его стремительным развитием и беспрецедентным охватом интернета эта тенденция проявляется особенно остро. Как исчерпывающе описал Брэттон, социальные сети «сегодня сумели собрать величайший по своему размеру массив изображений в истории человечества»⁴³. Этот массив включает в себя и совокупность изображений войны и человеческих страданий.

Парадокс заключается в том, что с точки зрения доцифровой эпохи факт наличия неисчерпаемого и имеющегося в непосредственном доступе источника фото- и видеоматериалов, на которых изображены мирные жители, ставшие жертвами голода и насилия, лишившиеся крова и гибнущие в результате войны и других гуманитарных кризисов, выглядит как, возможно, величайший информационный актив, оказавшийся в распоряжении гуманитарных организаций. Схожим образом, в условиях широкого вещания, когда в странах вроде Соединенного Королевства на телевидении ежедневно выходило всего два выпуска новостей, которые транслировались двумя телеканалами в вечернее время, сама идея о создании круглосуточных новостных программ могла показаться новым универсальным решением для информирования людей о происходящем в мире. Вот почему, как я уже писал ранее, круглосуточное освещение войны в Персидском заливе в 1991 году стало такой важной вехой в истории СМИ. Эти различия наглядно свидетельствуют об ошибочности умозаключения, которое пред-

41 А. Hoskins (примечание 22 выше).

42 См.: Marshall McLuhan, *Understanding Media: The Extensions of Man*, Routledge and Kegan Paul, London, 1964.

43 Benjamin H. Bratton, *The Stack: On Software and Sovereignty*, MIT Press, Cambridge, MA, 2015, p. 127.

полагает наличие связи между знанием и действием и лежит в основе идей о том, что освещение в СМИ человеческих страданий в ходе гуманитарных кризисов побудит людей к принятию ответных мер.

Вера массовой аудитории XX века в способность центральных новостных СМИ просвещать широкие массы на тему бед и несчастий, выпавших на долю других людей где-то далеко, претерпела серьезные изменения и сегодня трансформировалась в своего рода цифровое подсознание, которое постоянно напоминает пользователям о творящихся в мире ужасных вещах, причем достаточно всего пары «кликов», чтобы узнать о них больше. Цифровое подсознание представляет собой некую разновидность частичной осведомленности, когда человек, оказавшись в постоянном водовороте изображений человеческих страданий, которыми изобилуют его новостные ленты, мысленно отодвигает все эти ужасы в сторону, но при этом в итоге не может сказать: «Я ничего об этом не знал».

В сегодняшней культуре так называемого постдефицита⁴⁴, когда изображения и контент на тему событий гуманитарных кризисов имеются в изобилии и находятся в свободном доступе, возникают новые ограничения, связанные с чрезмерностью этого медиаконтента. Люди сегодня могут получить любое количество информации, просто щелкнув мышью, коснувшись экрана пальцем, перелистнув веб-страницу или даже подав голосовую команду, и в результате им постоянно напоминают про то, что они ничего не знают о мире вокруг себя. Как говорит Лучано Флориди: «Мы сегодня наблюдаем за исчезновением *права на незнание*»⁴⁵. По словам Флориди,

чем легче нам становится получить информацию любого характера и в любом объеме — достаточно буквально пары «кликов» — тем менее простительным будет нежелание с ней ознакомиться. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) возлагают на человечество все большую моральную ответственность за то, как мир устроен сегодня, каким он будет и каким должен быть⁴⁶.

«Мы» у Флориди в данном случае включает в себя основных производителей новостного контента, которых их растущее бессилие так же ставит в тупик.

Главным аспектом цифровой войны, как я уже отмечал, является участие в загрузке и распространении фото- и видеоизображений гуманитарных кризисов и конфликтов. Именно благодаря этому новые «архитектуры

44 Я использую термин «постдефицит» для обозначения изобилия, повсеместности и доступности коммуникационных сетей, узлов и контента цифровых СМИ, которые отличают наш век от культуры дефицита новостного контента, характерной для конца XX века. См.: Andrew Hoskins, “7/7 and Connective Memory: Interactional Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture”, *Memory Studies*, Vol. 4, No. 3, 2011; Andrew Hoskins and John Tulloch, *Risk and Hyperconnectivity: Media and Memories of Neoliberalism*, Oxford University Press, Oxford, 2016.

45 Luciano Floridi, *The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality*, Oxford University Press, Oxford, 2014, p. 42.

46 Ibid., pp. 42–43.

участия»⁴⁷, возникшие на базе платформ Web 2.0 и объединенные в единую сеть мобильных устройств, позволяют огромному множеству субъектов (военным, государствам, журналистам, НПО, гражданам и жертвам) заявить о своей позиции. В то же время итогом бесконечного выкладывания в Сеть и распространения внутри цифровых экосистем материалов на тему ужасов вооруженных конфликтов и гуманитарных кризисов (что, судя по всему, дает пользователям некое ощущение освобождения) становится неверный анализ ответной общественной реакции. В частности, использование инструментов активности в социальных сетях, таких как, например, «лайки» и перепосты, в качестве индикаторов борьбы с неким негативным влиянием конфликтов и гуманитарных кризисов и вызванными ими человеческими страданиями является ошибочным. Поскольку присоединиться к коллективному негодованию в Сети очень легко, это само по себе создает иллюзию того, что таким образом может быть достигнута некая критическая масса или что реакция пользователей социальных сетей является протестом в масштабах всего общества. Коллективное негодование, которое выглядит как деятельный акт обмена информацией, вызывающей всеобщие ужас, отвращение или сострадание, путем цитирования чужих «твитов», использования «лайков» или комментирования изображений чьих-то страданий, парадоксальным образом приводит к затуханию ярости: у людей в процессе возникает ощущение, что их миссия выполнена — ведь они заявили о своей позиции.

В эпоху широкого вещания у отдельных граждан практически не было возможности использовать средства массовой информации для того, чтобы прямо высказывать свое мнение о тех или иных событиях или реагировать на них. По большей части любые виды СМИ в то время отражали мнения своей аудитории в чрезвычайно умеренном масштабе, и представление этой информации происходило по правилам и под контролем цензоров ВЗ СМИ. Общественное мнение объявлялось таковым лицами, являвшимися владельцами и редакторами печатных и вещательных СМИ. Сегодня же, напротив, войны ведутся на усеянном минами поле боя — в цифровом пространстве, куда непосредственно с мест событий выкладываются миллионы фото- и видеоматериалов, которые немедленно становятся предметом комментирования, оценивания, распространения и перепостов. Платформы социальных сетей способствовали появлению нового режима количественного анализа, позволяющего мгновенно и непрерывно оценивать степень популярности информации, общественного ужаса или негодования, причем наглядность результатов такого анализа является неотъемлемым элементом общей архитектуры и отражением самой сути той или иной платформы или приложения.

Одной из таких фотографий, которые привлекли к себе огромное внимание и послужили основанием для утверждений о том, что их вирус-

47 Tim O'Reilly, "The Architecture of Participation", June 2004, доступно по адресу: <https://perma.cc/M7THEVBN?type=image>.

ный характер и массовое распространение смогли повлиять на политический курс государств и принятые меры, стало фото мальчика по имени Алан Курди⁴⁸. Тело трехлетнего мальчика из сирийского города Кобани было выброшено морем на побережье Турции в сентябре 2015 года, когда его семья бежала из охваченной войной Сирии.

При освещении кризиса, вызванного наплывом беженцев, СМИ, как правило, старались преуменьшить влияние европейской политики и, в частности, риск того, что приравнение нелегальной миграции к преступлению вынудит людей выбирать еще более опасные пути в попытках добраться до страны назначения. В репортажах о людях, которые отчаянно пытались скрыться от войны, этот факт по большей части умалчивался, и приток беженцев воспринимался как источник кризиса, поглотившего значительную часть Европы.

Для целей настоящей статьи важно отметить, что, появившись на первых страницах печатной прессы по всему миру, вызвав бурю негодования в соцсетях и вынудив европейских политиков как минимум на время сменить тональность своих высказываний, эта фотография мгновенно получила статус культовой. Общественное сочувствие выразилось в практическом участии и повлекло за собой резкий рост числа жертвований в адрес благотворительных организаций по помощи беженцам⁴⁹. Газета «Индепендент» опубликовала статью под заголовком «За 12 часов фотографии с изображением Айлана [sic] Курди увидели 20 миллионов человек», где цитировались слова Клэр Уордл, соавтора доклада на тему влияния фотографии:

Фотография Айлана [sic] Курди вызвала у людей такой отклик, которого не удавалось добиться даже за счет многих часов вещания и тысяч строк газетных колонок. Она стала тем эталоном, на который равнялись и ориентировались журналисты при освещении этой проблемы в дальнейшем⁵⁰.

Однако тут напрашивается вопрос: а как пресловутый «отклик» общества помог сократить масштаб проблем, ставших реальными причинами смерти Алана Курди?

Тут нельзя не вспомнить уже упоминавшиеся выше выводы Ника Гоуинга о том, что в 1990-х годах прямые новостные телерепортажи больше

48 См., например: “100 Photos: Alan Kurdi”, *Time*, доступно по адресу: <https://time.com/4477300/alan-kurdi-photo-one-year-later/>.

49 Jamie Merrill, “Refugee Aid Charities See Surge in Donations after Image of Drowned Syrian Toddler Aylan Kurdi moves the nation”, *The Independent*, 3 September 2015, доступно по адресу: www.independent.co.uk/news/uk/home-news/refugee-aid-charities-see-surge-in-donations-after-image-of-drowned-syriantoddler-aylan-kurdi-moves-10484953.html.

50 Adam Withnall, “Aylan Kurdi Images Were Seen by ‘20 Million People in 12 Hours’”, *The Independent*, 15 December 2015, доступно по адресу: www.independent.co.uk/news/world/europe/refugee-crisis-aylan-kurdiimages-were-seen-by-20-million-people-in-12-hours-new-study-suggests-a6774181.html. Следует отметить, что в первых репортажах об этом трагическом событии имя Алана было указано неверно: его писали как «Айлан».

влияти на речи политиков, чем на их реальные решения и практические результаты. Доклад, на который ссылается газета «Индепендент», представляет собой научное исследование, в котором не только анализируются особенности и характер распространения фотографий Алана Курди в социальных сетях, но и рассматривается освещение этой истории в центральных СМИ, а также предлагается целый ряд мнений относительно ее последствий⁵¹. Цель этого доклада, представлявшего собой «оперативное ответное исследование», заключалась в том, чтобы осмыслить природу общественного негодования по поводу фотографии погибшего сирийского мальчика, получившей невероятно широкое освещение в прессе, однако выводы его авторов в отношении какого бы то ни было системного или существенного влияния этих протестов на решения политиков и на ход войны, которая положила начало европейскому кризису беженцев 2015 года, можно в лучшем случае охарактеризовать как неоднозначные. Так, например, одна из соавторов доклада Энн Бернс заявляет, что

политические деятели присоединились к широкой дискуссии по поводу фотографии Курди, поскольку на фоне тогдашней политической обстановки никто из них не отважился уклониться от этого шага, однако... их реакция была следствием общественного негодования и нисколько не отражала изменения в их собственном мировоззрении⁵².

Получается, что общественное негодование тут служит, скорее сдерживающим фактором, а не проводником перемен. И когда слышишь все эти заявления на тему власти, которую сегодня дают цифровые визуальные материалы, на ум вновь приходят выводы Гоунга по поводу влияния прямых новостных телерепортажей в 1990-х годах. Фотография Алана Курди и тот эффект, который она возымела, — это важная история, которую принято рассматривать как пример того, как социальные сети, визуальные материалы и ведущие СМИ могут изменить ситуацию — или хотя бы создать такое впечатление.

Война в Сирии и фрагментация внимания

Теперь давайте более подробно рассмотрим войну в Сирии как наглядный пример того парадокса, который лег в основу моего тезиса о сострадании в период после цифровой войны: в частности, появление в свободном доступе огромного множества фото- и видеоматериалов, на которых изображены гибель и страдания жителей Сирии (за период, который начался несколько лет назад, после первых протестов, охвативших страну в марте 2011 года), должно было побудить — за счет общественного давления

51 Farida Vis and Olga Goriunova (eds), *The Iconic Image on Social Media: A Rapid Research Response to the Death of Aylan Kurdi*, Visual Social Media Lab, University of Sheffield, 2015, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/1r9cqlbm>.

52 Ibid., p. 39.

на политиков или во имя практических мер — к военному вмешательству, которое положило бы конец массовым страданиям, но этого не произошло, и тот факт, что этого не случилось, неизменно вызывает огромное удивление.

Само существование этого океана изображений создает впечатление, что значительная часть современных военных действий и их последствий носят публичный характер и так подробно и непрерывно освещаются в СМИ, что те, кто наделен властью вмешиваться, непременно тоже должны обратить на них внимание. Получается, что цикл «изображение — ожидание — бездействие» ведет лишь к дальнейшему нагнетанию ситуации.

Главный количественный показатель, или «событийная ценность» ужасов текущей войны, которым могут оперировать ВЗ СМИ, — число погибших среди мирных жителей и участников боевых действий — не то чтобы является секретом. Так, например, в 2016 году Специальный посланник ООН заявил, что вооруженный конфликт унес жизни около 400 тысяч человек. Это самое последнее сообщение о числе погибших⁵³, которое было сделано за этот период лицом, не имеющим отношения к политике. С 2011 года более половины всех жителей Сирии были вынуждены покинуть свои дома, и 5,6 миллиона из них официально были признаны беженцами⁵⁴. По состоянию на октябрь 2020 года число перемещенных лиц в Сирии насчитывало примерно 6,7 миллиона человек⁵⁵. По оценкам Управления по координации гуманитарных вопросов (УКГВ), в гуманитарной помощи в стране нуждались 11,06 миллиона человек⁵⁶ (по состоянию на декабрь 2020 года), а согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), острую нужду испытывали 4,65 миллиона человек⁵⁷.

При публикации информации о жертвах среди гражданского населения Сирии ВЗ СМИ нередко руководствовались цифрами, предоставленными Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Однако после того, как представитель ООН в своей последней оценке численности жертв в Сирии в 2016 году заявил, что ввиду ужесточения конфликта «установить точное число погибших фактически не представляется возможным» (при этом частично использовались данные за 2014 год)⁵⁸, стало понятно, что колоссальный масштаб и чрезвычайно сложный

53 UN, “Note to Correspondents: Transcript of Press Stakeout by United Nations Special Envoy for Syria, Mr. Staffan de Mistura”, Geneva, 22 April 2016, доступно по адресу: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/note-correspondents/2016-04-22/note-correspondents-transcript-press-stakeout-united>.

54 См. оперативный портал Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН), доступно по адресу: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (на англ. яз.).

55 UNHCR, “Syria”, fact sheet, October 2020, доступно по адресу: www.unhcr.org/sy/wp-content/uploads/sites/3/2020/12/Factsheet-Syria-October-2020-003.pdf.

56 OCHA, *Humanitarian Response Plan: Syrian Arab Republic*, December 2020, p. 7, доступно по адресу: www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/2020_syria_humanitarian_response_plan.pdf.

57 UNHCR (примечание 55 выше).

58 Megan Specia, “How Syria’s Death Toll is Lost in the Fog of War”, *New York Times*, 13 April 2018, доступно по адресу: www.nytimes.com/2018/04/13/world/middleeast/syria-death-toll.html. Заявление сделано Специальным посланником, см.: UN (примечание 53 выше).

характер этой войны оказались совершенно непостижимыми для западной машины производства смыслов. Впрочем, даже в тех случаях, когда число погибших можно было легко подсчитать и цифровых свидетельств трагедии имелось более чем достаточно (например, когда из Сирии контрабандой был вывезен цифровой архив визуальных материалов, фиксирующих множество примеров жестокого обращения и массовых казней), никаких яростных протестов не последовало, и темпы нарастающей гражданской войны нисколько не замедлились.

Казалось, что все эти события остаются для ВЗ СМИ практически незамеченными. Так, например, в тот же месяц, когда был опубликован «архив Цезаря»⁵⁹, Фред Ритчин написал статью, в которой задался вопросом:

Неужели существование 55 тысяч фотографий, сделанных военной полицией Сирии в качестве документальных свидетельств смерти примерно 11 тысяч задержанных лиц, которые были казнены (и нередко подвергались пыткам), не должно стать основанием для всеобщего осуждения? Особенно когда речь идет о продолжающемся конфликте и миллионы людей по-прежнему подвергаются риску?⁶⁰

Ответ на этот вопрос, по мнению Ритчина, связан с ослаблением «социального договора», который касался производства и распространения документальной фотографии и предполагал «готовность зрителя признавать реальность фотографий и воспринимать их как призыв к реагированию»⁶¹. Он объясняет сложившуюся ситуацию тем, что публика и правительства привыкают к массовым ужасам — отчасти это связано с «цифровой перегрузкой», ведь «нам сегодня уже известно, что в одних только США люди делают более 55 тысяч фотографий каждые 15 секунд»⁶².

Сама идея о том, что способность человека обрабатывать и понимать значение информации зависит от объема или масштаба носителя этой самой информации, чрезвычайно важна. Существуют давние исследования, авторы которых утверждают, что реакция людей на освещение чужих страданий или гибели зависит от масштаба катастрофы. Так, например, Роберт Дж. Лифтон придумал выражение «онемение души», с помощью которого описывал, как люди, выжившие после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в Японии (их стали именовать «хибакуся»), были вынуждены

59 «Архив Цезаря» — это архив, состоящий из 55 тыс. фотографий, которые являются наглядным свидетельством пыток и жестокого обращения со стороны представителей сирийских властей. См.: Garance le Caisne, “They Were Torturing to Kill: Inside Syria’s Death Machine”, *The Guardian*, 1 October 2015, доступно по адресу: www.theguardian.com/world/2015/oct/01/theywere-torturing-to-kill-inside-syrias-death-machine-caesar.

60 Fred Ritchin, “Syrian Torture Archive: When Photographs of Atrocities Don’t Shock”, *Time*, 28 January 2014, доступно по адресу: <https://time.com/3426427/syrian-torture-archive-when-photographs-of-atrocities-dont-shock/>.

61 Ibid.

62 Ibid.

отключать свои чувства, чтобы продолжать как-то функционировать в условиях всеобщих разрушений и массовой гибели⁶³.

Помимо этого, важно понимать, что цифровой архив, в котором хранятся свидетельства человеческой жестокости, каким бы обширным он ни был, все равно воспринимается как нечто эфемерное и лишнее веса, в отличие от физических фотографий. Существует множество изображений, на которых подробно задокументированы ужасы сирийской войны. Любой желающий может получить доступ к архивам фотографий, запечатлевших пытки, к которым прибегали представители властей, а негосударственные вооруженные группировки, включая так называемое «Исламское государство», публикуют чудовищные видеоролики, содержащие в числе прочего сцены казни заключенных и заложников.

Получается, сам факт существования 55 тысяч фотографий, на которых изображены пытки и казни задержанных сирийцев, не позволяет рассчитывать на привлечение сколько бы то ни было пристального внимания. Психолог Пол Словик, в частности, следующим образом прокомментировал содержимое «архива Цезаря»:

Исследования показывают, что уже при появлении двух объектов наблюдения внимание зрителя начинает рассеиваться. Если вы рассматриваете два предмета одновременно, то не можете сосредоточиться на них так же, как на одном, и объем получаемой вами информации сокращается. А если таких объектов 55 тысяч? Наша сенсорная система просто не в состоянии их воспринять. Органы чувств человека не справляются с обработкой такого массива данных⁶⁴.

Но возможно ли сделать так, чтобы этот водопад изображений, представляющих собой инструменты цифровой войны, на мгновение замер? Чтобы мы смогли сосредоточить на них свой взгляд, как это происходило в доцифровую эпоху, когда материалов было мало, а наше внимание еще не раздробилось на множество осколков? Придать этим 55 тысячам фотографий реальный смысл можно было, лишь преодолев барьеры в виде эфемерности и неосязаемости цифрового архива и его колоссального размера. Для этого 15 государств — членов ООН организовали ужасающую по своей наглядности выставку под названием «Фотографии Цезаря: внутри тюрем сирийского режима», где были представлены 30 фотографий из этого архива. Выставка, общая продолжительность которой составила десять дней, проходила в центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке в марте 2015 года⁶⁵. Длинный ряд увеличенных фотографий, установленных бок о бок на под-

63 Robert J. Lifton, *Death in Life: Survivors of Hiroshima*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, NC, 1991. См. также: Paul Slovic, "Psychic Numbing and Genocide", *Judgement and Decision Making*, Vol. 2, No. 2, 2007.

64 Пол Словик, телефонное интервью с автором, 12 апреля 2018 г., из архива автора.

65 См.: Raya Jalabi, "Images of Syrian Torture on Display at UN: 'It Is Imperative We Do Not Look Away'", *The Guardian*, 11 March 2015, доступно по адресу: <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/11/images-syrian-torture-shock-new-yorkers-united-nations>.

ставках, снабженных соответствующими подписями, занял целый зал в здании ООН. Большинство центральных новостных СМИ публиковали статистику и рассказывали про зверства режима и историю этого архива, но сами изображения были по большей части подвергнуты серьезной обработке: все пугающие и отталкивающие увечья жертв были затемнены таким образом, чтобы читатель не смог увидеть их на странице или экране своего устройства, а на общем плане, демонстрирующем сам зал экспозиции, фотографии были либо размыты, либо показаны с такого расстояния, чтобы разглядеть неприятные подробности было невозможно⁶⁶. Посетителей выставки встречала предупреждающая надпись, которая гласила: «ВНИМАНИЕ! Представленные фотографии носят шокирующий характер».

Многие информационные агентства попытались донести до своей аудитории ужас этих материалов, опубликовав не сами фотографии, а потрясенное лицо посетительницы, которая их разглядывала. Неизвестная женщина, которую запечатлел фотограф Лукас Джексон для агентства Reuters⁶⁷, прикрывает шарфом рот и нос и сжимает правую руку в кулак, словно пытаясь таким образом устоять перед потрясением от увиденного⁶⁸. Эта фотография отвлекает наше внимание от истории сирийской трагедии в целом и сосредоточивает его на единственном объекте: одна женщина как воплощение и символ непостижимого масштаба человеческой трагедии. Если описывать эту ситуацию словами Пола Словики (см. выше), то одна фотография делает из цифровой абстракции, которой являются для зрителя 55 тысяч изображений 11 тысяч зверски убитых людей, нечто более осмысленное; это те самые «потерянные изображения», которые воплотились в одном-единственном фото. Означает ли это, что фотографу удалось вернуть фокус внимания, утраченный в цифровую эпоху, и заставить зрителя посмотреть на картинку тем взглядом, который был ему свойственен в прежние времена традиционных СМИ? Иными словами, найдет ли этот зритель время для того, чтобы остановиться и обдумать увиденное, не отвлекаясь ни на что?

Фотография Джексона и то, какое ей в данном случае было найдено применение, позволяют лучше понять идею Сьюзен Зонтаг о взаимосвязи между способностью изображения или изображений мобилизовать протестующих для участия в военных действиях и «тем временем, которое требуется зрителю для того, чтобы изучить изображение и прочувствовать увиденное»⁶⁹. Джексону удалось поймать и сделать достоянием общественности тот момент, когда зритель впервые видит изображение, разглядывает его и испытывает шок. В то же время эта фотография воплощает в себе

66 См., например: Stav Ziv, "A Plea for Action: Gruesome Photos Smuggled From Syria on Display at U.N.", *Newsweek*, 13 March 2015, доступно по адресу: <https://www.newsweek.com/plea-action-gruesome-photos-smuggled-syria-display-un-313766>; R. Jalabi (сноска 65 выше).

67 См.: Ian Black, "Syrian Regime Document Trove Shows Evidence of 'Industrial Scale' Killing of Detainees", *The Guardian*, 21 January 2014, доступно по адресу: <https://www.theguardian.com/world/2014/jan/20/evidence-industrial-scale-killing-syria-war-crimes>.

68 Ibid.

69 Susan Sontag, *Regarding the Pain of Others*, Farrar, Straus and Giroux, New York, 2003, p. 122.

некий идеал, возможность выступить на стороне высоконравственного большинства, когда все одновременно видят или ожидают увидеть собственное отторжение на лице другого человека. Вера в этот идеал, в общее представление людей о подлинной бесчеловечности дает некоторое успокоение. Таким образом, новый проводник шокирующего контента оказывается одновременно и скрытым, и на виду. Фотография, на которой изображена чужая потрясенная реакция, вновь порождает чувство тревоги, но в то же время и освобождает нас от необходимости непосредственного знакомства с источником этой реакции. Хотя она и заставляет задуматься о существовании огромного цифрового архива с 55 тысячами фотографий, ее чрезвычайная популярность у ВЗ СМИ (которые широко растиражировали это фото) объясняется прежде всего тем, что необходимый эффект достигается без контакта зрителя с самими ужасающими картинами.

Впрочем, несмотря на то что все ВЗ СМИ публиковали фотографии из архива в чрезвычайно ограниченном объеме и фактически подвергали их цензуре, нельзя не упомянуть одно важное исключение. В январе 2014 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью о сирийском архиве, сопроводив ее четырьмя фото, которые были размещены в самой верхней части страницы. На этих фотографиях были запечатлены части изможденных человеческих тел, и ко всем ранам, включая изъязвления и «рельсовые увечья» (кровоподтеки в виде длинных линий, свидетельствующие о том, что человека избивали прутьями), вели стрелки-указатели⁷⁰. Возможно, этот экспертно-криминалистический тон и частичное описание тел были для читателя менее тягостными, чем если бы фотографии, выставленные в здании ООН, и другие элементы «архива Цезаря» были перепечатаны газетой во всех подробностях.

Мой основной аргумент состоит в том, что, несмотря на все эти меры, сирийская война продолжилась.

Читатели и зрители вновь захлебываются в море информации о неопостижимых масштабах человеческих страданий в Сирии. Лица, которые отвечают за информирование общественности о последствиях войны, — будь то правительственные и гуманитарные организации или ассоциации ведущих СМИ — пытаются «разбавить» статистику и источники данных, чтобы преобразовать их в более понятную для аудитории и легкоусвояемую форму. Однако само осознание того факта, что количество таких изображений в Сети безгранично, и рассказы о катастрофе, которой, судя по всему, нет ни конца ни края, порождают новую разновидность цифровой апатии⁷¹.

70 См.: Ben Hubbard and David D. Kirkpatrick, "Photo Archive Is Said to Show Widespread Torture in Syria", *New York Times*, 21 January 2014, доступно по адресу: www.nytimes.com/2014/01/22/world/middleeast/photo-archive-is-said-to-show-widespread-torture-in-syria.html.

71 Спустя примерно шесть лет именем Цезаря был назван закон США «О полномочиях в области национальной обороны» 2020 г., а именно «Закон Цезаря о защите гражданского населения Сирии», который, впрочем, не предусматривал вмешательства для существенного изменения ситуации на местах, а касался лишь преследования виновных в нарушениях прав человека. Согласно этому закону, президент США «обязан» представить профильным комитетам Конгресса перечень иностранных граждан, которые, в соответствии с заключением президента,

Эта апатия становится особенно заметна в условиях предчувствия страданий и постоянных и неслышимых предостережений о нависшей беде, которые являются характерной чертой конфликтов в XXI веке.

Далее я более подробно рассмотрю этот тезис через призму войны в Сирии и голода в Йемене, которые представляют собой наглядные примеры человеческих страданий в эпоху цифровой войны.

Катастрофа как предчувствие

Я выбрал в качестве предмета для анализа войну в Йемене, поскольку она является классическим примером страданий людей вследствие гуманитарного кризиса, который вновь заставил ряд представителей Запада удивляться отсутствию практических мер в ответ на многочисленные изображения таких страданий. Наиболее примечательной особенностью этого конфликта является неизменно колоссальный масштаб мучений гражданского населения страны, о которых мы регулярно слышим на протяжении последних нескольких лет.

Как и Сирия, Йемен представляет собой зону непрекращающегося конфликта, в котором принимают участие как государственные вооруженные силы, так и неправительственные вооруженные группировки⁷². В докладе Совета ООН по правам человека, опубликованном в августе 2018 года, говорится, что «лица, представляющие Правительство Йемена и коалицию, включая Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты» могут быть виновны в совершении военных преступлений⁷³. Некоторые СМИ описывают войну в Йемене (или за него) как «худший гуманитарный кризис в мире»⁷⁴, который, в частности, повлек за собой «тяжелейший год последнего столетия»⁷⁵. Так, в октябре 2020 года 325 тысячам детей в возрасте младше пяти лет потребовалось лечение в связи с острым недоеданием⁷⁶, а в июне 2020 года, по имеющимся оценкам, от неполноценного питания страдали два миллиона детей в возрасте до пяти лет⁷⁷.

сознательно совершали или являлись соучастниками серьезных нарушений прав человека в отношении граждан Сирии или членов их семей, независимо от места совершения таких нарушений — как на территории Сирии, так и за ее пределами». См.: <https://tinyurl.com/35xqbeqj>.

72 “The Crisis in Yemen: What You Need to Know”, *New York Times*, 21 April 2015, доступно по адресу: www.nytimes.com/interactive/2015/03/26/world/middleeast/yemen-crisis-explained.html?action=click&module=RelatedCoverage&pgtype=Article&region=Footer.

73 *Совет ООН по правам человека*. Положение в области прав человека в Йемене, включая нарушения и ущемления, за период с сентября 2014 года: доклад Группы видных международных и региональных экспертов, представленный Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, док. ООН A/HRC/42/17, 9 августа 2019 г., п. 96(b)—(c).

74 Robert F. Worth, “How the War in Yemen Became a Bloody Stalemate — and the Worst Humanitarian Crisis in the World”, *New York Times*, 31 October 2018, доступно по адресу: www.nytimes.com/interactive/2018/10/31/magazine/yemen-war-saudi-arabia.html.

75 “Yemen Could Be ‘Worst Famine in 100 Years’”, *BBC News*, 14 October 2018, доступно по адресу: <https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-45857729>.

76 UNICEF, *Yemen Country Office Humanitarian Situation Report*, October 2020, доступно по адресу: www.unicef.org/media/89831/file/Yemen-Humanitarian-SitRep-31-October-2020.pdf.

77 UNICEF, *Yemen Five Years On: Children, Conflict and COVID-19*, June 2020, доступно по адресу: www.unicef.org/yemen/media/4281/file/Yemen%20five%20years%20on_REPORT.pdf.

Общей чертой, которая объединяет Йемен и Сирию, являются непрекращающиеся прогнозы о неизбежности катастрофы, к которой ведет постоянное ухудшение положения жителей этих стран, и удивление ряда осведомленных комментаторов в связи с отсутствием очевидных и слаженных мер гуманитарной помощи. Так, например, 19 августа 2015 года Всемирная продовольственная программа ООН опубликовала оценочные данные, согласно которым «число жителей Йемена, испытывающих недостаток продовольствия, сегодня приближается к 13 миллионам, включая 6 миллионов людей, страдающих от острой нехватки продовольствия и нуждающихся в неотложной внешней помощи, что составляет одну пятую всего населения страны»⁷⁸. В тот же день координатор ООН по гуманитарным вопросам Стивен О'Брайен назвал масштаб страданий людей в Йемене «практически непостижимым»; ужасает то, что четыре пятых всего населения Йемена нуждаются в гуманитарной помощи и почти 1,5 миллиона человек являются внутренне перемещенными лицами»⁷⁹. 20 миллионов йеменцев (две трети населения) сегодня испытывают недостаток продовольствия, включая 10 миллионов человек, которые страдают от острой нехватки продовольствия⁸⁰. Примерно 24,1 миллиона жителей страны нуждаются в гуманитарной помощи (около 80% населения), а 3,65 миллиона являются перемещенными лицами⁸¹.

Негодование от осознания собственного бессилия на фоне новостей о страданиях и гибели людей становится частью новой культуры катастроф, новой нормой замешательства при виде глобального безразличия к бесчеловечности. «Мы больше не можем просто праздно наблюдать за тем, как дети гибнут в зонах военных действий»⁸², — говорилось в статье за авторством бывшего премьер-министра Соединенного Королевства Гордона Брауна, опубликованной в ноябре 2018 года. Заголовок еще одной статьи, вышедшей в июне 2018 года, гласил: «Реакция мирового сообщества на невыразимые страдания народа Йемена тянет не более чем на сочувственный вздох»⁸³. Работающий в Йемене журналист Питер Солсбери в своем очерке, посвященном событиям конца 2018 года, приходит к следующему выводу: «Глядя на то, как страна погружается в непостижимый по своему масштабу

78 WFP, “WFP Warns of Food Crisis in Yemen Amid Challenges in Reaching People and Shortage of Funding”, 19 August 2015, доступно по адресу: <https://www.wfp.org/news/wfp-head-warns-growing-food-crisis-yemen-amid-challenges-reaching-people-and-short>.

79 Karin Zeitvogel, “Compassion Fatigue Sets In as Yemen Spirals Out of Control”, *Washington Diplomat*, 30 September 2015, доступно по адресу: https://washdiplomat.com/compassion-fatigue-sets-in-as-yemen-spirals-out-of-control/?mc_phishing_protection_id=28047-c50u8kadu81814d3gaj0.

80 WFP, “Yemen”, доступно по адресу: www.wfp.org/countries/yemen.

81 ОСНА, “Yemen Situation Report”, доступно по адресу: <https://reports.unocha.org/en/country/yemen>.

82 Gordon Brown, “We Can No Longer Just Stand By While Children Are Dying in War Zones”, *The Guardian*, 2 November 2018, доступно по адресу: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/02/children-dying-war-zones-targeted-impunity>.

83 Kamal Al-Solaylee, “The Unspeakable Suffering in Yemen Has Barely Elicited More Than Collective Sighs on the Global Stage”, *Globe and Mail*, 22 June 2018, доступно по адресу: www.theglobeandmail.com/opinion/article-the-unspeakable-suffering-in-yemen-has-barely-elicited-more-than/.

и степени отчаяния голод, мы должны осознавать, что происходящее было полностью предсказуемо, и в этом состоит его трагедия. Те люди, которые должны были об этом знать, всё прекрасно знали. Просто у них были другие приоритеты»⁸⁴.

В то же время неспособность сторон в сирийском конфликте договориться о перерыве в военных действиях, чтобы создать условия для предоставления значительной гуманитарной помощи, продолжает вызывать неизменное удивление. Так, например, в своей обличительной речи в октябре 2018 года Стивен О'Брайен назвал провал попыток Совета Безопасности ООН положить конец бомбардировкам на востоке Алеппо «позором нашего поколения»⁸⁵.

Некоторые комментаторы использовали фотографии, на которых были запечатлены другие катастрофы прошлых лет, в попытке объяснить широкой общественности осаду Алеппо через призму исторического опыта. Заголовок одной из статей в «Нью-Йорк таймс» был предельно лаконичен: «Берлин, 1945 год; Грозный, 2000 год; Алеппо, 2016 год»⁸⁶. Кадры лежащего в руинах Алеппо, сделанные с помощью аэрофотосъемки с квадрокоптера, сравнивались в опубликованной онлайн статье с состоянием Берлина в конце Второй мировой войны и обликом столицы Чечни после ее осады и взятия российскими военными в начале XXI века.

Авторы таких статей иносказательно пытаются донести до читателя мысль о том, что мы так и не выучили уроки прошлого, а также показывают, что зрелище всей подноготной массовых убийств производит сильное впечатление лишь впервые, а затем эффект ослабевает. Это в первую очередь касается случаев непрекращающейся гибели людей в результате множества неразрешимых или превратившихся в затяжные конфликтов: «Сегодня на нас отовсюду — онлайн, с экранов телевизора и из газет — сыплются какие-то огромные цифры, которые утратили всякий смысл: “по меньшей мере 140 человек погибли во время похоронной процессии в Йемене в результате бомбардировки силами Саудовской Аравии; сотни людей стали жертвами взрывов заминированных автомобилей в Багдаде; жизни десятков тысяч человек унесены из-за кровопролития в Алеппо”»⁸⁷. Несмотря на то что многие конфликты этого века слишком часто стали характеризовать исключительно как «бесконечные» и «затянувшиеся»⁸⁸, «избыточный» подход СМИ к освещению катастроф, свойственный цифро-

84 Peter Salisbury, “Yemen’s Looming Famine Has Been a Long Time Coming”, *Washington Post*, 5 December 2018, доступно по адресу: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/12/05/yemens-looming-famine-has-been-a-long-time-coming/>.

85 Совет Безопасности ООН. «Положение на Ближнем Востоке», док. ООН S/PV.7795, 26 октября 2016 г., стр. 7.

86 Michael Kimmelman, “Berlin, 1945; Grozny, 2000; Aleppo, 2016”, *New York Times*, 14 October 2016, доступно по адресу: www.nytimes.com/2016/10/15/world/middleeast/aleppo-destruction-drone-video.html.

87 Ibid.

88 Andrew Hoskins, “About the Project: Forgetting War”, доступно по адресу: <https://archivesofwar.gla.ac.uk/forgetting-war/about-the-project/>.

вым медийным экосистемам, приводит не к взрыву негодования, а наоборот, к его затуханию.

Таким образом, в Сирии цикл «изображение — ожидание — бездействие» приобретает все большую остроту — при том, что появление все новых и новых репортажей ведущих СМИ, согласно широко распространенному мнению, должно побудить мировое сообщество договориться хоть о каких-то попытках вмешательства. К таким историям относятся и публикация фотографии тела Алана Курди, которая в сентябре 2015 года привлекла внимание всего мира, и изображение пятилетнего Омрана Дакниша, которого фотограф запечатлел в тот момент, когда мальчик с потерянными видом, весь в пыли и крови, сидел в карете скорой помощи. Омран получил ранения в результате военного удара по Алеппо в августе 2016 года⁸⁹.

Если развивать эту мысль дальше, то дело не только в том, что люди ожидают ответной реакции на публикацию и распространение фото- и видеоизображения страданий и гибели людей, и в первую очередь детей, а в том, что эффективность исчерпывающего освещения значительно переоценивается. Особенно соблазнительно приписать такую эффективность материалам, которые приобретают вирусный характер в цифровых СМИ, когда фотографию Алана Курди, например, «за 12 часов увидели 20 миллионов пользователей социальных сетей» (см. выше). Реальность же такова, что подобная медийность вовсе не приводит к серьезному изменению ситуации на местах. Так, например, несмотря на предполагаемое влияние фото Алана Курди, за период с 1 января 2016 года по 31 декабря 2020 года при попытке пересечь Средиземное море погибли или пропали без вести в общей сложности 13 622 человека⁹⁰.

Иными словами, голод и гибель детей и других мирных жителей Йемена и Сирии — это истории, которые были предсказаны, спрогнозированы и известны заранее. Оба эти кризиса разворачивались на глазах широкой общественности, и о них предупреждали на протяжении нескольких лет, однако, несмотря на их заметность в условиях цифрового мира, никаких ощутимых ответных мер или реакции не последовало. С чем же тогда связан этот фундаментальный разрыв между постоянным освещением катастроф, сопровождаемым множеством изображений и описанием их масштаба, и верой в то, что такое освещение непременно должно существенно повлиять или уже влияет на жертв этих кризисов?

89 Elle Hunt, “Boy in the Ambulance: Shocking Image Emerges of Syrian Child Pulled from Aleppo Rubble”, *The Guardian*, 18 August 2016, доступно по адресу: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/18/boy-in-the-ambulance-image-emerges-syrian-child-aleppo-rubble>.

90 См. вебсайт Missing Migrants («Пропавшие без вести мигранты»), доступно по адресу: <https://missingmigrants.iom.int/>.

Цифровое прикрытие

Как уже говорилось выше, мы переживаем исторический переход от эпохи широкого вещания к сегодняшней цифровой реальности, для которой характерно искаженное представление о ценности новостей. Можно выделить два главных параметра, которые являются определяющими для данной дискуссии: во-первых, щепетильность информации — что следует показывать, а что — скрывать, чтобы не оттолкнуть и не расстроить аудиторию в условиях высококонкурентного рынка, на котором наблюдается стремительное падение ценности и цены новостей; во-вторых, цифровая перегрузка и отвлечение внимания — сегодня существует слишком много изображений и неразрешимых гуманитарных катастроф, за которыми мы попросту не успеваем следить.

Ариелла Азулей, например, утверждает: жалобы на то, что новостные СМИ выхолащивают описание конфликтов и страданий и в то же время перегружают наше внимание избытком визуальных материалов, свидетельствуют о существовании широко распространенной «воображаемой модели», в основе которой лежат не соответствующие действительности ожидания в отношении как изображений, так и самих зрителей. В этой модели «наиболее востребованным визуальным объектом является некий идеальный объект, который позволяет увидеть войну с предельным уровнем четкости»⁹¹. Второй частью этого уравнения является «отчаянное стремление найти идеального зрителя, который, столкнувшись с ужасающей картинкой, содрогнется от увиденного иотреагирует на нее, начав активно и успешно менять мир к лучшему»⁹².

Дэвид Рифф следующим образом объясняет происхождение идеи об идеальной картинке и идеальном зрителе:

Дело в чрезмерном самомнении журналистов... Они решили, что если расскажут и покажут жителям своих стран реальные события в Сараево, если эти люди увидят на экранах телевизоров, как выглядит ребенок, в которого попала пуля с мягким наконечником или зазубренный осколок шрапнели, то они непременно потребуют от своих правительств принятия хоть каких-то мер⁹³.

Впоследствии Рифф спросил меня в интервью: «Правы ли мы, когда обсуждаем фоторепортажи с войн, до которых людям в действительности нет никакого дела? Главная причина, по которой все эти изображения не достигают нужного эффекта, состоит в том, что людям эти конфликты изначально безразличны и нет никакого способа убедить их в обратном»⁹⁴. Сьюзи Линфилд формулирует эту идею следующим образом: «На протя-

91 Ariella Azoulay, *The Civil Contract of Photography*, Zone Books, New York, 2008, p. 191.

92 Ibid.

93 David Rieff, *Slaughterhouse: Bosnia and the Failure of the West*, Simon & Schuster, London, 1996, p. 216.

94 David Rieff, интервью с автором, Глазго, 6 марта 2018 г.

жении почти всей истории человечества большинство людей практически ничего не знало о страданиях других, чужих и незнакомых им народов, и нисколько об этом не заботилось»⁹⁵.

Таким образом, ошибка заключается в приравнивании невероятного изобилия цифровых фото- и видеоизображений человеческих страданий к их доступности, осведомленности аудитории, ее способности их осмыслить или принять ответные меры. Как уже говорилось выше, огромное множество и кажущаяся доступность этих материалов создают иллюзию того, что значительная доля страданий людей в далеких регионах видна абсолютно всем, включая лиц, наделенных властью и способных вмешаться.

После того как в период с апреля по декабрь 2019 года шестьдесят восемь больниц и медицинских пунктов в Сирии подверглись бомбардировкам, это, несомненно, должно было навести на какие-то мысли по поводу взаимосвязи между существованием миллиардов изображений страданий и гибели людей, мгновенно доступных всем желающим благодаря постоянному цифровому наблюдению и подключению к интернету, и воздействием этих изображений на ключевых глобальных игроков, от которых зависит спасение жизней мирного населения⁹⁶. Легко понять, что такой взаимосвязи в действительности не существует и что она есть не более чем порождение нереалистичных ожиданий или фантазий, появившихся с подачи профессиональных журналистов.

По мере просачивания информации сквозь минное поле цифровой войны, где отдельные пользователи становятся мишенями, а миллиарды участников используют Facebook, Instagram, YouTube и WhatsApp для распространения своей версии событий, правда о вооруженных конфликтах превращается в мозаику из пикселей и растворяется в небытии. Парадокс заключается в том, что наличие множества точек зрения, представленных теми, кто находится в непосредственной близости к событиям, приводит к размыванию интереса. В то же время, несмотря на то что сегодня множество людей очевидным образом могут заниматься просвещением масс, и невзирая на возможность беспрепятственного доступа в Сеть и цифровую культуру распространения информации как следствие идеальной модели взаимодействия между пользователями интернета, понять базовые принципы показа или сокрытия данных в действительности еще сложнее, чем разобраться в идеологии СМИ образца XX века. Такие гиганты, как Google (которому принадлежит YouTube) и Facebook (который владеет платформой Instagram и мессенджером WhatsApp), контролируют все, что может или не может увидеть пользователь, при помощи пользовательских соглашений, дизайна и алгоритмов. Впрочем, эти организации оказались

95 Susie Linfield, *The Cruel Radiance: Photography and Political Violence*, University of Chicago Press, Chicago, IL, 2010, p. 46.

96 Union of Medical Care and Relief Organizations, "Humanitarian Catastrophe in Maarat Al Nouman, Syria; At Least 38 Dead, Hundreds Injured", press release, 20 December 2019, доступно по адресу: <https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/humanitarian-catastrophe-maarat-al-nouman-syria-least-38-dead-hundreds>.

не слишком-то хорошими стражами и не сумели противостоять присутствию и распространению в Сети контента, который возник благодаря их существованию. Те же самые алгоритмы, которые используются для регулирования информационных лент, становятся оружием в руках боевиков цифровой войны, обманным путем привлекающих внимание аудитории, чтобы сеять дезинформацию и подрывать доверие к СМИ в целом.

Две главных составляющих, от которых зависит жизнь информации в цифровой медийной экосистеме, а именно повсеместность и наличие доступа в интернет, ведут к разрушению традиционных способов просмотра новостей — сама концепция зрительской аудитории долгое время ассоциировалась исключительно с телевидением. Кто-то скажет, что телевидение — и даже телевизионные новости — сдавать в утиль еще рано, но это все равно не отменяет того факта, что нас уже поглотили новые визуальные формы и средства манипулирования контентом, выталкивающие на обочину традиционные и более регламентированные форматы вещательного ТВ.

При этом демонстративная вирусность социальных сетей позволяет пользователям чувствовать себя активными участниками и объединяться в едином порыве, реагируя на какое-нибудь изображение или выступая за правое дело. Однако такие СМИ лишены веса: пока эта цифровая толпа повторяет за другими, что «надо что-то делать», она парадоксальным образом сама глушит собственный отклик. Массы слишком легко поддаются убеждению и мгновенно следуют за стремительными колебаниями той цифровой среды, в которую погружены. Я называю это явление «распространять, не распространяя»⁹⁷, когда пользователям кажется, что они проявляют большую активность, публикуя посты и ссылки, ставя «лайки», делая записи и снимки, перелистывая, перематывая и пересылая медиаконтент, но при этом их действия, как ни странно, лишают их связи с передаваемой и распространяемой информацией. Сострадание в действительности не является коллективным усилием, и когда людям кажется, что достаточно воспользоваться комфортными инструментами социальных сетей и отреагировать на контент, поставив «лайк» или сделав репост, то от их сострадания остаются лишь фрагменты. Это ложное мерило присутствия и вирусности как раз и приводит к тому, что люди снимают с себя всякую ответственность за увиденное.

Иными словами, золотого века сострадания никогда не существовало: просто на пике своего влияния широковещательные СМИ сумели убедить общественность в наличии прямой взаимосвязи между изображением, коллективной волей и влиянием на изображаемые события. Сегодня негодование аудитории, спровоцированное продуманной работой алгоритмов, служит своего рода суррогатом для реальных действий. Легко принять скорость появления ссылок и «лайков» и «распространения без распро-

97 Andrew Hoskins, “The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media”, in A. Hoskins (ed.), *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*, Routledge, New York, 2018, p. 2.

странения» за некие массовые действия или массовое движение, но в действительности это протестное общество, как ни странно, само гасит собственный гнев.

Переход из категории зрителя (раньше эта категория включала в себя понятие аудитории) к производителям информации в мире цифрового большинства случился не благодаря коллективному влиянию, а скорее в ущерб ему. Войны в Сирии и Йемене — это лишь две катастрофы в ряду других, события которых медленно разворачиваются прямо перед нашими глазами в условиях постоянного цифрового наблюдения и подключения к интернету. Если мобилизовать мировое сообщество на совместные ответные действия не удастся даже при помощи беспрецедентных инструментов цифровой войны, которая приблизила к нам страдания и гибель людей и сделала их присутствие в нашей жизни постоянным, то трудно представить, какие еще меры для этого потребуются.